

ЗА РОДИНУ

№ 8 (408)

Четверг, 13 января 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Степрос. Редакция в Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («За Родину»).

„Прокрустово ложе“

В. Вечевой

Иногда несколько слов, сказанных «между прочим» в неофициальной обстановке, могут раскрыть все те тайные пружины, которые приводят в ход механизм поступков и мыслей отдельных лиц. Человечеству совершенно не интересны мотивы, по которым какой-нибудь неизвестный Иван Иванович вместо традиционных стаканов водки, выпьет сегодня четыре бокала пива и закусит не гуляшем, а пожарской котлеткой. Но когда это относится к человеку, от мыслей и поступков которого зависит судьба стосемидесятимиллионного народа, населяющего одну шестую часть всей земной суши, — это уже начинает интересовать всех. Жаль только, что этот интерес проявляется иногда с большим опозданием. Но, «лучше поздно, чем никогда».

Девятого сентября 1927 года, отвечая на вопрос американской рабочей делегации о расхождениях с Троцким, Сталин заявил, что, мол, расхождение с Троцким не есть мои личные расхождения, а разногласие партийное и что «Партия не любит, чтобы отдельные люди выключались».

В греческой мифологии есть предание, где главным действующим лицом является разбойник Прокруст, который, надо полагать, придерживаясь тех же установок, что и у Сталина, не любил, чтобы люди «выключались». Исходя из этого, он соорудил ложе и каждого, кого ему удавалось изловить, волок на свое ложе и «подгоняя» его к мерке. Если был велик и «выключался» ногами из установленного стандарта, — обрубал ему ноги, если был недоморок — веревками вытягивал ему ноги из суставов.

Нечто аналогичное происходило в течение двадцати пяти лет на необоримых просторах России, но в масштабах в тысячу раз превосходящих масштабы легендарных разбойников.

Если древний Прокруст «работал» как кустарь-одиночка, то современный поставил дело на широкую ногу; на каждом бойком перекрестке открыты филиалы, подбрасывая помощников и развернул работу по оттяпыванию и по выворачиванию конечностей из суставов тем, кто не дорох до социалистических стандартов или «выключился».

Если на ложе «Военного коммунизма» гражданин пришелся по мере, то не успевал он, обрадованный, сделать и десяти шагов, как сейчас же, ухватив его за шиворот, волокли на ложе «Индустриализации» или «Коллективизации». Примеряя. На пять сантиметров короче установленных для стандарта? Хруст! — были конечно-сти в суставах и... пожалуйте — калека, инвалид, которого уже специальным транспортом подвозят для социалистического контроля к ложе «Жить стало лучше, жить стало веселей». Не уместился на чересчур уж мешенически укороченном ложе, вылез из стандарта, ну и отягают, хорошо если ноги, а то и голову.

Политика «оттяпывания», выворачивания конечностей продолжается до сих пор. Десятки миллионов русских людей отправлены на тот свет или сделались калеками только лишь потому, что идеи коммунизма не находят отклика в душе русского народа, а являются искусственным порождением иудейско-интернационалистической банды.

Конец бесчинствам древнего Прокруста положил народный герой Тезей, убивший в единоборстве разбойника. Рано или поздно эта же участия постигнет и современного Прокруста. Народные герои растут и закаляются в борьбе и лишениях, и наш русский народ уже воспитывает десятки тысяч новых Тезеев, которые освободят человечество от Прокруста и прокрустовых выродков.

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Все советские атаки отбиты

Главная Ставка Фюрера, 10 января. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

Западнее Очакова части германского военного флота отбили советскую попытку высадить десант.

На Кировградском направлении отражены сильные неприятельские атаки. Успешными немецкими контратаками советские войска отброшены назад.

К югу и юго-западу от Погребища происходят упорные бои с наступающими частями противника. Германские войска контрударом отбили ранен оставленный населенный пункт и уничтожили при этом советский батальон. Противник понес высокий урон в людях и потерял 17 орудий.

Южнее и западнее Бердичева германские войска контрударом отбили сильные советские атаки и уничтожили 31 неприятельский танк.

Крупные силы германской авиации принимали деятельное участие в боевых операциях и успешно забрасывали бомбами районы концентрации войск противника и скопления танков. Разбито пять железнодорожных составов с транспортом материалов и повреждено еще восемь поездов.

Близи Припятских болот, западнее Новограда-Волынского и Сарны

велились местные бои с разведывательными частями противника.

Западнее Речицы большевики продолжают свои атаки. После тяжелых боев все их попытки прорвать фронт потерпели неудачу. Местные вспышки ограждены.

Юго-восточнее Витебска германские войска снова отразили сильные советские атаки. Число танков, уничтоженных позавчера на участке одного германского корпуса, повысилось с 57 до 71. Вчера на участке того же корпуса уничтожено еще 87 советских танков.

Северо-западнее Витебска большевики несколько раз тщетно предпринимали атаки. При очистке лесного района уничтожена сильная неприятельская боевая группа.

На западном участке южно-итальянского фронта концентрированным огнем германской артиллерии отражено несколько местных атак противника. В остальных местах отмечены лишь успешные операции германских ударных отрядов.

9-го января рано утром германские боевые самолеты атаковали у северных берегов Киренчики суда противника. Отмечены прямые попадания бомб на четыре торговых судна средней величины. Два судна из них следуют считать погибшими. Не вернулся один германский самолет.

в немецких укреплениях за полярным кругом.

Германо-шведский торговый договор

Берлин, 12 января

Закончены переговоры о заключении германо-шведского торгового договора. Общий товарооборот, регулируемый соглашением о безналичном расчете, достигает, как и в прошлом году, около 900 миллионов рейхсмарок с каждой стороны. Швеция будет поставлять в Германию преимущественно руду, сталь, машины, лес, целлюлозу, бумагу и т. д. Германия же со своей стороны — уголь, кокс, обработанное железо, химикаты и т. п.

Оспа в Индии

Женева, 10 января.

Во всех районах города Нью-Дели (Индия) разразилась эпидемия оспы, унесшая уже много жертв. По крайней мере половина из заболевших обречена на смерть. В городе впервые от оспы умерло несколько европейцев.

Под покровительством Англии

Работорговля на улицах Калькутты

Лиссабон, 11 января.

Очевидцы, вернувшиеся из районов Индии, пораженных голodom и холерой, передают потрясающие подробности об условиях жизни индусского населения в этой богатейшей стране, находящейся под покровительством английского флага.

Новым источником наживы для бесконечных эксплуататоров является телеработорговля, которой занимаются почти совершенно открыто. За

пять или восемь шиллингов (около пятидесяти рублей) покупают детей исхудавших и обезображеных от голода и болезней и тут же на улицах Калькутты готовят им новую страшную участь. Часть этих детей за большие деньги отдается для эксплуатации профессиональным нищим «на обучение». Гангстерам особенно выгодно держать детей в ужасном виде, так как чем хуже они выглядят, тем больше можно собрать подаяний. Лен-

вочек продают в дома терпимости, вытаскивая из которых впоследствии они еда ли смогут.

Работорговцы оперируют преимущественно в Калькутте и в сельских областях, охваченных голodom. Каждую ночь, с наступлением темноты, они подобно змеям, вползают к физически и духовно ослабевшим людям и при помощи всевозможных уговоров убеждают их продать своих детей. Они обещают заботиться о детях, кормить, одевать их, а впоследствии присматривать им и работу. Обманутые родители часто поддаются этим уловкам, не зная, что в действительности их дети попадают в руки работорговцев, где их ожидает страшная судьба.

С наступлением утра работорговцы со своей живой добычей скрываются в грязных норах своих трущоб, а над дворцом губернатора, в лучах восходящего солнца, торжественно развевается английский флаг — символ обогащения и роскоши для одних, рабства, голода и угнетения — для других.

Социальная отсталость в Англии

Стокгольм, 11 января.

Английская газета «Дейли Йоркер» сообщает о тяжелых условиях жизни английских горнорабочих, жестоко эксплуатируемых шахтодержальцами. Последние теперь совершенно не считаются с какими-либо законами по охране труда. Число несчастных случаев со смертельным исходом, достигло в прошлом году 300.000.

Депутат английской палаты Хиггинс указал на то, что на большинстве английских фабрик в рабочих помещениях царит холод, а стаки недостаточно освещены. Большинство машин совершенно лишены каких-либо предохранительных устройств.

Десятки тысяч мощных орудий охраняют Европу от англо-американского вторжения.

„Трофеи“ оккупантов

Рим, 10 января.

Англо-американские оккупационные власти продолжают неустанно расхищать и вывозить сокровища древности и искусства из южной Италии. Уже составлен первый транспорт из древностей, собранных во время раскопок древне-римского города Геркулана, засыпанного в свое время пеплом после извержения Везувия. В числе этих ценностей находится знаменитая коллекция древне-римских рукописей. Ввиду эпидемии тифа, свирепствующего в Неаполе, транспорт доставлен в порт Салерно, откуда будет отправлен в США.

Жутная катастрофа в туннеле

Мадрид, 9 января.

В восемьдесят километрах от города Леона, в Испании, в железнодорожном туннеле произошло тяжелое столкновение пассажирского поезда с маневрировавшим составом. Несколько вагонов пассажирского поезда, опрокинувшиеся в туннеле, загорелись, причем пассажиры не могли выбраться из них. Немедленно были начаты спасательные работы, за время которых до сих пор из туннеля удалось извлечь 62 трупа погибших. Поягают, что число жертв превысит двести человек.

История повторяется

В начале ноября «Известия» командировали своего корреспондента далеко вглубь страны, в Чкаловск. Приехав туда, он испугался, и очевидно, под влиянием безраздостного впечатления, прислал в редакцию довольно откровенное сообщение о том, что в городе только и разговоры, что о дровах. По всей вероятности редакция, теша себя мыслью, что автор, в сущности, не возражает против системы, «как таковой», а нападает только на заведующего коммунальным хозяйством Прибылова, опубликовала эти сведения.

В чем же этот Прибылов провинился? Он не желает доставлять дров! «Известия» ставят вопрос: когда же, наконец, топливо будет доставлено в город? Когда население получит его? Уже дуют холодные ветры, предвещающие морозы. Среди чкаловцев растет беспокойство, как бы не повторилась прошлогодняя история с дровами...

И не напрасно волнуются чкаловцы. Прошлогодняя история, о которой пишет московский корреспондент, обязательно повторится. А что это была за история, — известно. Город в прошлом году остался без дров, — остался без дров и в этом году. Это легко сказать, об этом легко написать, но пережить зиму в голоде и холода гораздо тяжелее.

В развале и в хаосе виноваты не Прибыловы, — они лишь козлы отпущения. Вина же в самой системе. «Прошлогодняя история» повторится в ты-

ЦЕНА ОРДЕНА**Карьера одного чекиста**

1939 год. В «Известиях» и в «Правде» — длинные списки награжденных орденами и медалями Союза Советских Социалистических Республик. Пробегаю их, стараясь угадать, за что получены эти высокие награды. И вдруг, в глаза бросается знакомая фамилия — Иван Семенович Червякин. Этот человек мне хорошо знаком. Я столкнулся с ним впервые четыре года тому назад, когда он занимал небольшой пост, но делал все возможное, чтобы пробраться выше.

Я учительствовал в маленькой белорусской сельской школе. Деревушка, в которой находилась школа, давно уже была колхозирована, и только трое крестьян упорно отстаивали свои единоличные права. На них накладывали непосильные налоги, от них отбирали скот, распродавали их сельскохозяйственный инвентарь, но сломить их окончательно не смогли. И вот, тут-то за дело взялся только что приехавший не то из Москвы, не из Ленинграда, уполномоченный НКВД по району товарищ Червякин.

Покопавшись в различных бумагах, он через полчаса настрочил постановление:

Коммунизм враг хорватского народа

Аграм, 11 января.

По случаю пятнадцатилетней годовщины Хорватского национального движения усташей, хорватская печать обсуждает отношение этой организации к большевизму. Газета «Хорватский народ» пишет: «Устав усташей считает коммунизм величайшим врачом хорватского народа. Идеология движения усташей исходит из антикоммунистической установки, родившейся и созревшей на опыте и обстоятельствах.

В 1937 году в нашем районе были арестованы почти все учителя. Среди них и я. Через несколько недель вызвали на первый допрос, предъявив готовые обвинения в шпионаже, антисоветской агитации и связи с врагами народа.

Возвращаясь с допроса, узники вались на голые доски тюремных нар, бросая друзьям неизменные слова: «Пусть лучше расстреляют — я все подписал».

Следствие об учителях вел работник НКВД старший лейтенант государственной безопасности, товарищ

Лиссабон, 10 января.

Влиятельная португальская газета «Воц» следующими словами описывает условия жизни в Советском Союзе: «Небольшая правящая кучка живет там в роскоши и пользуется всеми излишествами, а трудящееся население не в состоянии платить астрономические цены за продовольствие и одежду и терпит поэтому горькую нужду. Большевизм в Советском Союзе совершил не оправдал надежд, возглавившихся в начале на него простодушными людьми».

(Продолжение 44-ое)

Оперативники поровняли отборать все — снять — тики по своей привычке, по своей тренировке ко всякого рода «расквалификации» чужих штанов. Как я ни упиралася к концу инвентаризации в углу барака набралася целая куча рваных, густо усыпанной вшами и немыслимой ни в какой буржуазной помойке...

— Вы их водите в баню? — спросил я начальника колонии.

— А в чем их поведешь? Да и сами не пойдут...

По крайней мере половине барака в бани итти действительно не в чем...

Есть, впрочем, и более одетые. Вот на одном — один валенок и один лапоть! Валенок отбирается в расчете на то, что в камни-нибудь другом будет отобран еще один непарный. На нескольких горах — их традиционные бурки — и почти ничего под бурками. Оперативники нацеливаются на эти бурки, но бурки не входят в списки лагерного обмундирования, и горец раскладывает не удается.

ИДУЩИЕ НА ДНО

Девятнадцатый квартал был своего рода штрафной командировкой — если и не официально, то фактически. Конечно, не такой, какую бывают настоящие, официальные, «штрафные командировки», где фактически каждый вохорек имеет право, если не на жизнь и смерть любого лагерника, то, во всяком случае, на убийство «при попытке к бегству». Сюда же сплавлялся всякий рода отпетый народ — прогульщики, промотники, филоны, урки, но еще больше было случайного народу, почему-либо не угодившего начальству. И, как везде, урки были менее головные и менее голы, чем мужчины, рабочие, наемные. Урка всегда сумела для себя уворовать, и переплавить ку-

дин, — но этих пяти пудов взять было неоткуда. Они были утопией. Пожалуй, утопией была и мысль спасти этого гиганта от гибели, которая уже простила в его застывших чертах лица, в глубоко запавших, спрятанных под кожнатыми бровями глазах...

Вот группа дагестанских горцев. Они еще не так раздеты, как остальные, и мне удалось полностью отстоять их одеяние. Но какая в этом польза? Все равно их в пологодия следят, если не голод, то климат, туберкулез, цынга... Для этих людей, выросших в залитых солнцем безводных дагестанских горах, ссыска сюда, в тундре, в болоте, в туманы, в полярную ночь — это просто смертная казнь в рассрочку. И эти — только на половину живы. Эти — уже обречены, и ничем, решительно ничем, я им не могу помочь... Вот эта-то невозможность ничем, решительно ничем, помочь — одна из очень костякторых сторон советской жизни. Даже когда сам находишься в положении, не требующем посторонней помощи...

По мере того, как растет куча отобранного тряпья в моем углу — растет и куча уже обыкновенных заключенных. Они валяются вповалку на полу, на этом самом тряпье, и вызывают тошноту ассоциацию червей на навозной куче. Какие-то облезлые урки подползают ко мне и шепотком — чтобы не слышали оперативники — выкашивают на собачью ножку махорки. Одни из урок, наряженный только в кальсоны — очень рваные, сгребает с себя вшей и методически кидает их поджариваться на раскаленную жестяную печурку. Вообще — урки держат себя относительно независимо — они хорохорятся и будут хорохориться до последнего своего часа. Крестьяне сидят, растерянные и пришибленные, вспоминая, вероятно, свои семьи, раскиданные по всем отдаленным местам великого отечества трудающихся, свои заброшенные поля и навсегда покинутые деревни... Да, мужиков будут членом фактически почти правящей верхушки технической интеллигенции, частичной силы, которая этого начальника со всеми его советскими заслугами и со всем его советским активом могла слопать в два счета — так, что не осталось бы ни пуха, ни пера...

Достаточно выразительном взгляде — и не выворачивающим вовсе: и собачья натаска имеет свою преимущества. И поэтому я имел возможность сказать Авдееву:

— Не надо... Забирайте свои вещи и идите...

И, ложка и оглядываясь, собрал свое имущество из нарах...

Инвентаризация кончилась... От этих страшных лиц, от жуткого тряпья, от вшей,

старухи и вони — у меня начала кружиться голова. Я, вероятно, был бы плохим врачом. Я не приспособлен ни для лечения гнойников... ни даже для описания их. Я их стараюсь избегать, как только могу...

даже в очерках...

Когда в кабинете УРЧ подводились итоги инвентаризации, начальник лагпункта попытался — и в весьма грубой форме — сделать мне выговор за то, что по моему барахло было отобрано рекордно мало количество борохла. Начальнику лагпункта я ответил не так, может быть, грубо, но подчеркнуто, хлещущее резко. Но начальника лагпункта мне было наплевать с самого высокого дерева его лесосеки. Это уже были не дни Погры, когда я был еще дезориентированным, или, точнее, еще не сориентировавшимся новичком и когда каждая сволочь могла ступить мне на мозоли, а то и на горло...

Теперь я был членом фактически почти правящей верхушки технической интеллигенции, частичной силы, которая этого начальника со всеми его советскими заслугами и со всем его советским активом могла слопать в два счета — так, что не осталось бы ни пуха, ни пера...

Достаточно было взглянуть на его арматурные списки... И он это понял. Он не то, чтобы извинился, а как-то покернулся, смик и даже дал мне по Подпорожью какую-то полудожную кобылу, которая кое-как доволокла меня домой. Но вернуться назад кобыла уже была не в состоянии...

ПРОФЕССОР АВДЕЕВ

В «штабе» свирьлаговского отделения подсоблялась группа интеллигентов, которая отдавала себе совершенно ясный отчет в схеме советского жития вообще и лагерного — в частности. Для понимания этой схемы лагерь служит великолепным пособием, излечивающим самых закоренелых советских энтузиастов.

Я вспоминаю одного из таких энтузиастов — небезвестного фельетониста «Известий», Гарри. Он по какой-то ошибке ГПУ попал в Соловки и проторчал там год. Потом эта ошибка была как-то исправлена, и Гарри, судорожно шагая из угла в угол московской комнаташки, рассказывал худощавые вещи о великом соловецком истреблении людей в истерически повторяясь...

— Нет, но зачем мне показали все это? Зачем я когда-то верил в...

(Продолжение следует)

„Я — не я, и лошадь не моя“

Четвертый век большевики неустанно трудились над делом «оздоровления и перевоспитания трудающихся масс, испорченных развращенными веками царского производства».

Перевоспитывали и словом и делом. Всякому, кто был свидетелем и объектом этого «оздоровляющего» перевоспитания, хорошо известно, какие результаты дало это.

Тем более нам показалось странным, когда вдруг, недавно, в «Известиях» появилось сенсационное сообщение о том, что в Харькове состоялось собрание областного комитета партии, на повестке дня которого стоял один, весьма знаменательный вопрос: «О текущих задачах массовой политической работы среди трудающихся Харьковской области».

«В тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Всего только два года изнавили трудающиеся Харьковской области от «произвола фашистских захватчиков», а уже понадобилось спешно заняться их оздоровлением! Но надо отдать справедливость: оздоровляют на славу! Под руководством «верного сына украинского народа, товарища Профатилова» эта актуальная работа проводится истинно большевицкими темпами:

«В течение двух месяцев», — отчитывается товарищ Профатилов, — «по нашей области было организовано 170 тысяч дискуссионных собраний, выпущено 1,300 тысяч экземпляров газет, полмиллиона листовок и сотни тысяч журналов».

170 тысяч дискуссионных собраний за два месяца! Это почти по три тысячи собраний ежедневно! Понятно, даже рядом с двумя годами «фашистского произвола» эта цифра выглядит астрономически грандиозной.

К сожалению, «верный сын украинского народа, товарищ Профатилов» в своем отчете умалчивает, сколько освобожденных граждан Харьковской области было отправлено на «перевоспитание» вглубь страны. Принимая во внимание большевицкий размах, и эта цифра должна быть не менее внушительной.

О чем же ежедневно, в течение двух месяцев, столь упорно дискутировали освобожденные счастливые граждане Харьковской области? Учитывая, так сказать, опыт прошлых лет, ответить на этот вопрос не трудно: чтобы не быть отправленными на перевоспитание вглубь страны, или с праотцами, они, вспомнив лучшие большевицкие традиции, хлопали в ладоши и восторженно кричали, что «я — не я, и лошадь не моя».

ТИМОФЕЕВА

Со всего света

Стокгольм. — Еще один английский бомбардировщик «совершил» вынужденную посадку в южной Швеции. Командир местной милиции, встретив спустившихся летчиков, иронически приветствовал их возгласом: «Добро пожаловать».

Женева. — Английское правительство принимает крутые меры, чтобы увеличить добчу угли. При отдельных шахтах будут организованы особые трибуналы с полномочиями немедленно присуждать суровое наказание за неявку на работу.

Рангун. — В Ахмедабаде, в Индии, 350 индусских учителей, в том числе 110 женщин, объявили голодовку в знак национального протеста против английского произвола.

Анкарa. — В Палестине появилось необычайно большое количество фальшивых банкнот. Полиция до сих пор не в силах обнаружить злоумышленников, которых, судя по обнаруженным следам, надо искать среди влиятельных еврейских кругов.

Духоты и вони — у меня начала кружиться голова. Я, вероятно, был бы плохим врачом. Я не приспособлен ни для лечения гнойников... ни даже для описания их. Я их стараюсь избегать, как только могу...

Когда в кабинете УРЧ подводились итоги инвентаризации, начальник лагпункта попытался — и в весьма грубой форме — сделать мне выговор за то, что по моему барахло было отобрано рекордно мало количество борохла.

Начальнику лагпункта я ответил не так, может быть, грубо, но подчеркнуто, хлещущее резко. Но начальника лагпункта мне было наплевать с самого высокого дерева его лесосеки. Это уже были не дни Погры, когда я был еще дезориентированным, или, точнее, еще не сориентировавшимся новичком и когда каждая сволочь могла ступить мне на мозоли, а то и на горло...

Теперь я был членом фактически почти правящей верхушки технической интеллигенции, частичной силы, которая этого начальника со всеми его советскими заслугами и со всем его советским активом могла слопать в два счета — так, что не осталось бы ни пуха, ни пера...

Достаточно было взглянуть на его арматурные списки... И он это понял. Он не то, чтобы извинился, а как-то покернулся, смик и даже дал мне по Подпорожью какую-то полудожную кобылу, которая кое-как доволокла меня домой. Но вернуться назад кобыла уже была не в состоянии...

ПРОФЕССОР АВДЕЕВ

В «штабе» свирьлаговского отделения подсоблялась группа интелли

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

УЧИТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ Псков.

В связи с окончанием первой трети 1943/44 учебного года на днях были проведены зимние учительские конференции. Учителя старших классов собрались отдельно, ввиду того, что работа их по сравнению с начальной школой имеет свои особенности.

ЕЛКА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Для школьников Пскова городское управление устроило богатую елку, на которой побывали все дети. Около зажженной елки выступали юные барыни, певцы, музыканты.

Много удовольствия доставили детям хороводные песни. В заключение, каждый участник празднества получил небольшой подарок.

НА ВСТРЕЧЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ

Недавно во Пскове состоялся вечер встречи немецких офицеров и офицеров РОА. На вечере с краткой, но содержательной приветственной речью к русским офицерам обратился капитан К., особо подчеркнувший значение чести и долга русских офицеров в борьбе с большевизмом. С большим вниманием русские офицеры выслушали также речь доктора М. О.

С теплым ответным словом от имени русских офицеров выступил майор РОА Иванов.

В заключение псковские артисты Игорь Зарикто и Женя Белоусова исполнили ряд произведений русских композиторов.

В ОЖИДАНИИ ВЫВОЗА ДРОВ

Тихо в лесу. Столетние ели окутаны пушистым узором инея. Повсюду чернеют большие делянки дров, заготовленных еще несколько месяцев назад. На земле нетронутой целиной лежит снег. Скоро здесь будут проложены зимние дороги. С окрестных деревень приедут вереницы крестьян-

ских подвод. Лес огласится людским говором и ржанием коней.

По санному пути крестьяне начнут вывозить дрова.

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

При станции Псков организован постоянный пункт по обслуживанию эвакуированных, прибывающих из других районов. На пункте круглосуточно работает кухня, обеспечивающая приезжающих обедами, горячим кофе и хлебом, а также дежурят специально прикомандированные к вокзалу офицеры РОА. Последние проводят беседы, читают газеты, дают советы и юридические консультации. Ежедневно доставляется на пункт газета «За Родину».

НОВЫЕ ШКОЛЫ

Остров.

В первых числах января месяца в Острове открывается профессиональная средняя школа. В два первых класса и один второй будет принято около ста юношей и девушек. Под школу отведено специальное здание, в котором после снятия некоторых переборок, был произведен капитальный ремонт. В данное время идет оборудование школы учебным и хозяйственным инвентарем. В ближайшем же будущем в Острове открываются годичные курсы для подготовки шофера, слесарей, токарей и электромонтеров. На курсы принимаются юноши в возрасте от 13 до 17 лет. Все нуждающиеся обеспечиваются общежитием и питанием.

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ БАЗАРЫ

Предпраздничная торговля на базаре в Острове была оживленной. Приезжавшие из ближайших деревень крестьяне бойко торговали с возами различным зерном, мукою, картофелем и крупами собственного производства. Немалый оборот делали и магазины хозяйственных товаров. Большим спросом у галантейных торговцев пользовались различные женские украшения: бусы, брошь, кольца и прочее. Все это покупалось для праздничных подарков.

Переселенцев встретили тепло

На Рижском Взморье прибыл эшелон с эвакуированными жителями из прифронтовой полосы. Беженцы были встречены жителями Взморья весьма тепло и сердечно. Каждый помог им чем мог. Был мобилизован весь медицинский персонал Взморья, а из Дубельна прибыл и ветеринарный врач — для осмотра беженского скота.

Шлокская целлюлозная фабрика, во главе со всей администрацией и директором, сейчас же по прибытии эшелона — доставила на станцию беженцам горячий обед, а население принесло беженским детям и старикам молоко. Директор фабрики срочно поручил одному из высших своих служащих съездить на автомобиль в Даунтари (Эдинбург) за православным священником о. прот. Мих. Петерсоном, так как беженцы прежде всего хотели поблагодарить Бога за их спасение от неминуемой гибели. Тому же спасшему были поручены дальнейшие забо-

ты о беженцах. Местный пастор временно предоставил шлокскую лютеранскую церковь для православных богослужений беженцам, пока они не устроят окончательно. Такое богослужение впервые за существование этой церкви было совершено в воскресенье прот. М. Петерсоном. Последний в своем слове горячо поблагодарил лютеранского пастора и его приход, которые насчастным образом оказали истинно христианскую помощь в нужде, а также и директорию шлокской целлюлозной фабрики за их заботы о беженцах. Далее он говорил о великом заступнике всех насчастных, стражущих и страдающих — о св. Николае Чудотворце.

Среди беженцев имеются лица, знающие порядок богослужения и певшие в церковных хорах. Беженцы думают, что они могут соорганизовать и временный церковный приход, базирующийся на ближайшие им церкви Рижского Взморья.

Неудачный был день. С самого утра шел мелкий холодный дождь, дул ветер, срывая с деревьев последние пожелтевшие листья. Высоко над деревьями с жалобным криком летели журавли; то там, то здесь слышался приглушенный лай собаки.

У сельсовета толпилась небольшая группа людей. Запряженная в старую телегу колхозная кляча понуро стояла под дождем, лишь изредка втягивая густой путанной гривой. Со спины лошадки струилась вода, скатывалась на землю, образуя маленькие грязные лужи.

У телеги суетились двое конюхов. Свалившись тут же на землю куль прошлогодней соломы, они бросили в телегу охапку сена и покрыли ее мокрой тряпкой.

— Ладно будет, — сказал один из них, подоткнув под сено истрепавшиеся концы тряпки. — Доедет, чай не барин, бывало и такой не было.

На крыльце сельсовета вышел высокий тонкий мужчина в рваных сапогах и ватном пальто. В окнах соседних домов появились лица любопытных, откуда-то прибежали два полураздетых мальчишагана.

— Ну, как, готово? — крикнул мужчина, сбегая с крыльца к телеге. — А почем вы какую-то тряпку бросили, неужели лучшего ничего не было.

— Кабы было, — то постали бы лучше, — проговорчали конюхи.

Они отвернулись и молча пошли к сельсовету. Мужчина же, бранясь, забрался на телегу, потянул вожжи. Мотнув головой, лошадка тронулась и вялой рысью поплелаась по измойтой дороге.

— Ну, вот, и поехал, — махнул рукой старый крестьянин Иван Семёнович, отходя от окна и усаживаясь на лавку. — Попадет же слепой курице яичменное зерно. Кто бы мог сказать, лет этак пять тому назад, что Семка Длинный в Москву поедет, награду получать. Чудеса! Как в сказке получается.

Семку Длинного или как его называли официально и в документах — Семена Ивановича Куряткина, знали в деревне даже малые дети. Это был еще в недавнем времени отъявленный пьяница, в два года пропивший свое наследство и женино приданое, вырожавшееся в двух коровах, лошади, сельскохозяйственном инвентаре. Два года непробудного пьянства, и когда богатый дом старого Куряткина былпущен по-ветру. Семка Длинный, щеголявший в отцовском пальто и сапогах, вдруг оказался без хлеба и картошки, без пальто и сапог. Всё было продано или заложено, отдано за долги или потеряно в цыганке. Человек, как говорится, дошел до ручки. Сердобольные соседи украдкой помогали его жене хлебом и картошкой, но это не могло спасти семью от голодовки.

И вдруг, в деревне создали колхоз. По деревне, в течение нескольких недель разъезжали бригады активистов местных и приезжих в сопровождении милиционеров и председателя сельсовета. Без длинных рассуждений.

дней, они вломывались в дома, производили опись имущества и выгоняли хозяев из своих же домов. Крестьяне иногда оказывали сопротивление, вот почему бригадам требовались местные помощники.

Тут-то и всплыла на поверхность Семка Длинный. Явившись в сельсовет, он предложил свои услуги. Его,

как самого чистокровного бедняка, принял с распростертыми объятиями. Семка Длинный стал первым колхозником в деревне и первым борцом за проведение в жизнь мероприятий советской власти.

Разгоревшаяся жадность, при виде чужого добра, резко изменила характер этого человека. Он не пил, как прежде, без ума и меры. При всяком удобном случае он тащил домой более ценные вещи соседей, выступая в то же время на собраниях с речами и призываами.

Но вот, кончился первый колхозный год. Награбленное было съедено, а своего колхозного — еще не было. Люди ели мякину, смешанную с прелой мукой, выпекали из нее мерзлую картошку, варили древесную кору. А Семка Длинный, став бригадиром в колхозе, не прекращал выступать на собраниях и разъезжал по району и области.

Зимою в сельсовет пришла секретная бумага из центра с предложением создать в колхозе образцовую бригаду и добиться рекордного урожая пшеницы. Бригаду создали, во главе ее стал Семка Длинный. Для образцового участка отвели три гектара лучшей земли, когда-то принадлежавшей лучшему хозяину деревни. Весь колхозный навоз еще зимой вывезли на этот участок, все способные работать также были направлены сюда. В результате, поле, действительно, дало приличный урожай, каких между прочим, ни в одном из соседних колхозов не было.

О небывалом достижении колхоза «Красный Пахарь» было напечатано во многих газетах. Портрет Семки Длинного появился даже в одной из центральных газет. Секретный приказ центра был выполнен.

И вот, несколько дней тому назад Семку Длинного потребовали в Москву для получения награды.

— Чудеса в решете, — качали головами мужчины, — вот, действительно, как в песне поется, «кто был ничем, тот станет всем». Скажи-ка на милость, в Москву за орденом! Ну, как тут не лопнуть от смеха! Эх, видно и в Москве такие же Семки Длинные сидят. Рыба рыбака видит издлека...

Измученная колхозная лошадка, преодолев подъем, вялой рысью скрылась за пригорком.

В. Блюм.

Очерк О. Анисимова

Густой хвойный лес, через который вьется дорога в ближайший город, расположенный в тридцати километрах, сменяется однообразной белизной снежных равнин, простирающихся насколько хватит глаз. И только одинокие хутора, жилые и хозяйственные постройки которых чернеют на белой равнине, нарушают однообразие снежного пейзажа.

Какая глупость!

Единственное, что нарушает зачарованную тишину оторванного от центров края — это собачий лай, упорный, злой, то затихающий, то снова усиливающийся.

Мы в Шавельском уезде.

Здесь, среди коренного литовского населения, на хуторах расселены эвакуированные из некоторых районов северной России. Мы нарочно отправились в эту глушь, чтобы посмотреть как живут эвакуированные русские люди там, где контроль властей из-за отдаленности края от центра практически ограничен и жизнь вновь прибывших складывается силой обстоятельств в большой степени, чем распоряжениями начальства.

Автомобиль останавливается у небольшого, крепко срубленного дома, крытого соломой. Собака еще издали приветствовавшая нас не очень дружелюбно, завидев незнакомых людей, начинает вытаптывать на цепи поистине акробатические фигуры, заливаясь срыгивающимися от бешено злобы лаем с какими-то переливами и звяканьями, смысл которых даже мы, не владеющие собачьим языком, никак не можем принять за «добро по-жизни».

Мы входим в избу, разделенную перегородкой надвое. Обе половины одинаковы и печь отапливает обе. В одной живет старик — хозяин со своей семьей, в другой — недавно привезенная из под Гатчины русская крестьянская семья.

Два мира, казалось бы, чуждых друг другу, говорящих на разных языках, выросших в двух враждебных друг другу странах.

И тем не менее, с первого взгляда видно, что человеческие отношения между хозяевами и их временными гостями — самые лучшие. Хозяин подился с ними всем необходимым. По-

ловина литовского крестьянина имеет, правда, более благоустроенный вид. Здесь вы видите скромное благоустройство хозяйства, обросшего бытом и крепкого своим крестьянским укладом.

Здесь кадки точно вросли в землю, миски, горшки и утварь имеют вид домохадцев. Все это — накопленный труд прошлого, результат продолжительной оседлой жизни. Но и другая половина, где живут теперь эвакуированные, не имеет бедного вида: здесь и швейная машина и необходимая утварь и посуда, правда, все это стоит как-то не на своем месте, еще не обкилось, не срослось с домом. Да и конечно, уходя пришлось многое оставить даже и самое дорогое — родную землю. Как это тяжело знает всякий живущий на чужбине.

Однако, великие испытания имеют свою хорошую сторону. В них выковывается характер, выкристаллизовываются великие духовные силы на-рода.

Испытание как... тяжкий млат, Дробя стекло, кует булат.

(Пушкин).

Слабые погибают от больших испытаний — сильные выходят еще более окрепшими.

Беседуя с эвакуированными мы все больше убеждались в том, что надломлена сила русского человека. Напротив, сейчас в нем пробудилась вся несокрушимая воля, которую не смогут сломить никакие внешние препятствия. Русский человек сейчас на чужбине особенно ясно почувствовал свою принадлежность к своему народу и родной стороне. Почти нигде не видят только те, кто не ждет от жизни подарков, а расчитывают лишь на себя. Вы такого взгляда не встретите ни у подхалима, ни у пройдохи, ни у честолюбца.

— «В школу ходила?» — «Ходила», отвечает Катя. — «Ну, что скучно здесь?» — «Нет». — «Работы много?» — «Справляюсь». — «В школу ходишь?» — «Как будет, пойду». — «Одна здесь?» — «С сестренкой». — «А все остальные — чужие?» Секунда молчания. «А мы их понимаем.»

— Добра, что потеряли, не жаль, детей бы скорей определили в школу — слышали мы почти от всех.

— Погодите, скоро будет и у вас школа.

Гордостью наполнилось наше русское сознание от слов, проникнутых не жалобой, не просьбой о помощи, не сожалением о потерях, а уверенностью в своей силе:

— Эх, вернусь бы на свою землю — все бы заново построили и не так бы еще зажили!

Тяга ко всему родному и готовность бороться за родину до последнего, не жалея ни сил, ни времени, сознание общности судьбы всех русских людей — вот чем проникнут наш ответ судьбе в годину испытаний.

Объезжаем несколько хуторов. В одном из них две сиротки: девочки тридцати и пятнадцати лет.

Подходим

